

другие восклицали: «Горе тебе, мамона (богатство, — Я. Л.), и неимущимь тебе!».¹ «Глумы», против которых выступает автор-церковник, это опять мирские темы (бедность и богатство; потребности «чрева», противоречащие требованиям аскетизма), вторгающиеся в церковь по вине неких «великомудрствующих» и распространяющиеся между «нищими» и «сущими в скорбях».

Классовое лицо краткой редакции «Устава» обнаруживается не только из противоречивых высказываний автора. Очень характерно в этом отношении и упомянутое выше рассуждение Иосифа о том, что «праздность» — порождение дьявола, а труд — бога. Как и его противники, еретики, Иосиф здесь, повидимому, обращался к апокрифической литературе: легенда о дьяволе и об Адаме читается, например, у такого характерного представителя свободомыслия XVI века, как Иван Пересветов. Но смысл этой легенды у обоих авторов различный: вольнодумец Пересветов считал дьявола, взявшего «запись» у Адама, родоначальником «порабощения»;² волоколамский игумен, наоборот, связывал с дьяволом «праздность»; еретики боролись против всякого «закабаления»,³ Иосиф Волоцкий прославлял «труд». Обращенная к монахам проповедь его звучала как призыв к «рукоделию», но, адресованная ко всему трудящемуся «миру» феодального общества, она получила гораздо более широкий классовый смысл.

Как и «Просветитель» Иосифа Волоцкого, краткая редакция его «Устава» была порождена борьбой с еретическими движениями. Но борьба с еретиками на почве церковной практики была во многих отношениях более сложным и трудным делом, чем борьба с ними на теоретической почве. Здесь нельзя было ограничиться изложением и разъяснением основных учений православной церкви. Как и их предшественники — стригольники, новгородско-московские еретики критиковали официальную церковь, в частности, именно за несоответствие между ее учениями и делами, ее высокими принципами и низменной практикой. В «Сказании» о поклонении различным предметам Иосифу приходилось даже специально защищаться от своих оппонентов в связи с их склонностью «пасти пастырей» — критиковать духовенство.⁴ Но бороться с критикой такого рода одними «обличениями» было невозможно. «Нужнаа требования», выдвигаемые вольнодумцами, находили, очевидно, достаточно широкий отклик со стороны «сущих в скорбях». Необходимо было как-то ответить на эти «нужнаа требования», в чем-то даже, может быть, уступить им, с тем, конечно, чтобы спасти от нападков и самую церковь и всю систему церковного устройства и иерархии.

Внутренние реформы церковного и особенно монастырского уклада как ответ на критику со стороны еретиков — явление, весьма распространенное в истории средневековой церкви. «Нищенствующие ордена» монахов на Западе (францисканцы, доминиканцы и т. д.) возникли в значительной степени как ответ католической церкви на еретические движения альбигойцев, вальденсов и др.⁵ Характерно, что и на Руси XV века общежительный устав (устав Ефросина) был введен впервые именно во Пскове, представлявшем собой в то время центр стригольнического движения.

¹ Сол. 346/326, л. 36. Ср.: ВМЧ, стлб. 532.

² Сочинения И. С. Пересветова. М.—Л., 1955, стр. 180—181 и 324—325.

³ Там же, стр. 157.

⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 340. Ср.: «Просветитель», стр. 267—268.

⁵ Ср.: Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в., стр. 26.